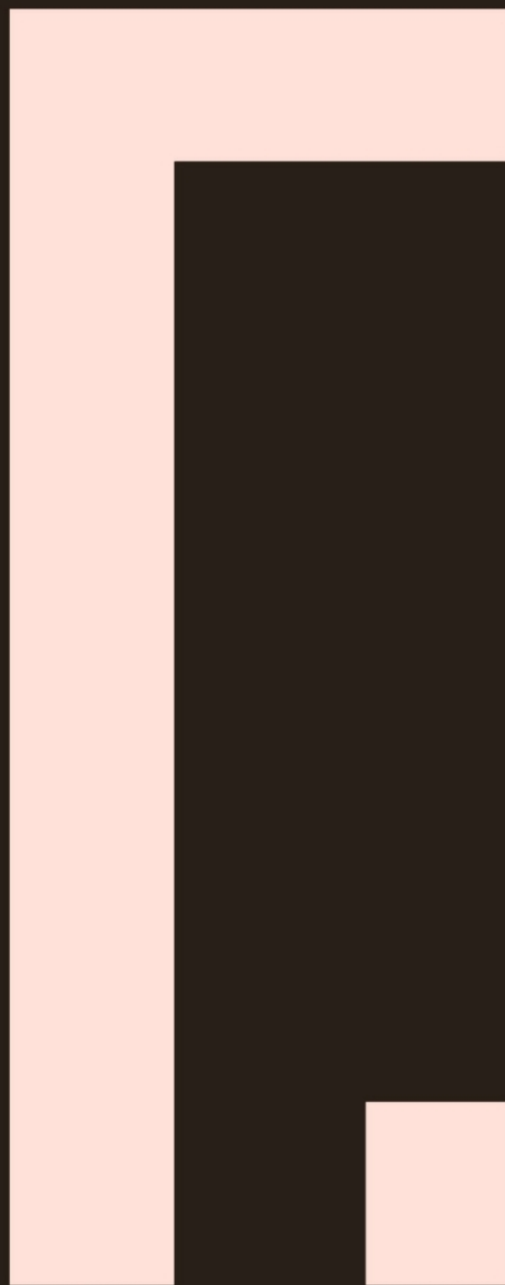

**КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПРЕМИИ Г.
ТОКСИЧНЫЙ РОМАН
ПАВЕЛ АНТИПОВ**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Антипов

**Краткая история премии
Г. Токсичный роман**

«Автор»

2016

Антипов П.

Краткая история премии Г. Токсичный роман / П. Антипов —
«Автор», 2016

Книга в увлекательной форме рассказывает о буднях организатора литературной премии. Здесь, как живые, описаны типажи, распространённые в литературном мире. Основана на реальных событиях, но совпадения случайны. Содержит нецензурную брань.

© Антипов П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1. Вручение 2012	5
Глава 2. Вручение 2013	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1. Вручение 2012

Грибы – Прэмія Дэбют – Внезапное появление премии Г. – Вручение

Грибы. В то время премии возникали так, словно они грибы. Грибы объявлялись тихо, поэтому, казалось, не несли авторам-победителям каких-то финансовых последствий.

Первой сломала систему премия Дэбют. Официально не объявлялось, но приложив усилия, можно было узнать, что победитель получал 2000 долларов, а второе и третье место – по пятьсот. Ох уж эти деньги. С ними у меня связаны не самые приятные воспоминания. Дело в том, что Дэбют вручался только белорусскоязычным авторам, но это было не очевидно, какого-то написанного положения у премии не было. И будто бы – я не могу припомнить, откуда у меня эта информация – будто бы Хадановіч показал жури журнал Паміж, где была напечатана подборка моих рассказов и сказал – вот, мол, хорошие рассказы у Антипова, давайте отметим. А Марыйка такая – а на каком языке они написаны? А на каком я могу написать? Ах, какая жестокая несправедливая судьба! Именно тогда я нигде не работал, и даже сама мысль, что я могу выиграть деньги, прокормила бы меня не один день. А так пришлось кормиться как обычно – гречка, сосиски, десертик в Лидо, суп из неизвестных ингредиентов, который предлагал папа. Тысяча Викторов Мартиновичей и сто один Бахарэвіч! Пятьсот долларов, а то и две штуки!

Моё знакомство с премией Гедройца началось 28 декабря 2011 года, когда Хадановіч объявил в жж о ещё одной премии.

Я тогда написал написал

paulantipov on December 28th, 2011 08:45 am (UTC)

Ого, премий уже больше, чем книг!

И получил ответ

khadanovich on December 28th, 2011 09:13 am (UTC)

Не перабольшывай, Паша. Празічных кніг сёлета ня так і мала. Прычым удзел у журы прымушае чытаць усё. :)

Так уж и немало, подумал я. Что-то не припомню ничего особенного. У меня, конечно, книжка вышла, так хуй вы ей дадите, дискриминация, бля, да я уж смирился. Тут вопрос ещё, что дадите, про приз ничего не было сказано, потому я надеялся, что дадут какое-нибудь говно, которое мне и так не нужно. Типа, возможность издать книгу, так я уже и без вас её издал. Ну как без вас. Позвонила Марыйка и сказала, что у пэна есть 120 евро и их можно выделить на макет моей книги. Я был рад, потому что Логвинов к тому времени уже 2,5 года верстал рукопись, а когда я попросил его показать, то увидел, что ничего не свёрстано. Попросил у жж научить меня верстать, вот Марыйка и позвонила. Благодарность меня переполнила, и я даже сказал ей спасибо. Но она посоветовала не благодарить, она это делает не для меня, а для себя: «чышчу карму», сказала. Я так понимаю, это были извинения за недопуск меня, а вслед за мной и всех, кто пишет здесь по-русски к пэновским премиям. Принимаются ли? Лучше б 500 дали. Книжка моя вышла одновременно с книжкой Касцюкевіча в декабре 2011. Когда я пришёл посмотреть на первые экземпляры, Касцюкевіч предложил обменяться: мою на его. Я не без сожаления отдал свою.

Организация у наших премий – фирменная, никто ничего не планирует, правила и призы выясняются во время премиального процесса. Главное – переговоры в верхах! Был такой у нас польский посол – Лешак, слава ему, Шарэпка. Интересовался почему-то, белорусской культурой. Почему – мне не известно, я с ним близко не знаком. Вроде бы я это знаю от Акудовіча, что собрал как-то посол интеллигенцию и предложил сделать премию для белорусских писателей, типа польской Ники. Интеллигенция заспорилась, что за премия, да чьего имени, вроде бы долго не могли договориться, но сошлись на имени Гедройца, и вот почему. Во-первых, ни

дать ни взять, а поляк, в то же время родился в Минске. Во-вторых, наводил межкультурные мосты, правда между Польшей и Францией, про Беларусь не вспоминал. В третьих, писал эссе – художественной прозы не писал, но чем эссе не проза? Так ли это было, не так, я сам не видел, но на правду похоже, чуть что – спросите Акудовіча.

Что сказать про Гедройца? Патрон для премии, конечно, неплохой, если в финансовом смысле. Он как бы говорит полякам, вот я ваш польский герой Гедройц, за меня и 10 тысяч евро можно отдать. Проблема с тем, каким он боком к белорусской литературе? Кто у нас читал его прекрасные романы? Кто изучал его в школьном курсе литературы? Кто знает, как правильно писать его фамилию? Говорят, что Гедройць, а вот уж назвали Гедройцем и привет. Короче, от Гедройца в премии ничего нет.

Впрочем, это сугубо мои размышления. А есть ли у меня право на них? Не я ведь организовывал премию. Я лишь видел, как в конце 2011 её объявили, потом у неё возник блог, где назвали размер награды – 10 тысяч евро, опубликовали лонг-лист, и стали печатать огромные, неинтересные рецензии, которые, если до половины прочтёшь, то молодец. Потом был шорт и 3 марта – вручение. Видимый премиальный процесс занял чуть более трёх месяцев.

10 тысяч евро – это много, я захотел побывать на вручении. Оно было во дворце искусств, вход был по пригласительным. Я где-то раздобыл два, позвал Настю Манцевич и мы пошли смотреть. Все разделись как на нобелевскую церемонию, Касцюкевич был во фраке, Хадановіч тоже, Кісліцына была обёрнута мёртвой лисой! Из Гамбурга специально прибыл Бахарэвіч. На входе в зал стояли толстые охранники с рациями. Зал был занюхано-советским, со старым паркетом и креслами с красной дерматиновой обивкой, как в кинотеатрах моего детства, но в полутьме было не слишком заметно. Перед сеансом выключили свет, заиграло что-то симфонически-авангардное от Рациональной диеты, на экране появилось лицо Гедройца, прожектор высветил на сцене фигуру Хадановіча, который стал благодарить польское посольство и лично господина посла, которого как раз выслал Лукашенко, приходилось вручать премию без основателя. После были актёрские читки отрывков из книг шорт-листа, видеообращение Лукашука из Праги, к сожалению без звука, поэтому никто так и не узнал, в чём состояла суть этого обращения, оборванного на середине, рукой Марыйки, которая нажала на паузу, благодаря чему застывший Лукашук стал фоном для остальных 3 шорт-листеров: Бахарэвіча, Клинова, Касцюкевіча. Бахарэвіч стоял точно так, что голова Лукашука помещалась между его ног. С моего кресла был именно такой вид. Федарэнка не пришёл.

Зачитали обращение Поморского, который говорил, что победителем следует назвать несомненно Бахарэвіча, однако, когда открыли конверт, оказалось, что первое место и 10 тыщ гоуз ту.... Касцюкевіч.

После жюри и шорт-листеры отъехали на виллу к послу (хотя может и не на виллу, но на закрытое мероприятие уж точно), а Бахарэвічу пытались набить морду «за Купалу».

Мы с Настей возвращались домой, и я всё недоумевал, как так – Костюкевич? Это же совсем какие-то рассказы новичка, пусть и с парой талантливых абзацев. Я представлял себе заседания жюри, как они аргументируют свой выбор, не было ли на заседаниях сговора? Ну конечно, наверняка, был! (теперь я знаю, что так думают все те, кто в премиальных делах не участвуют). Я не мог заснуть и накатал в жж гневный пост по поводу того, что я, в принципе, понимаю выбор жюри, если оно руководствовалось тем, что надо распределить призы: кому что полезнее, тому то и дать

«Допустим, цель не выбрать лучшую книгу прозы, а разделить премию с максимальной пользой. И тут лучше решения нет. Фэдарэнка уже, в общем-то, состоявшийся писатель, у него есть и романы, и какое-никакое признание, к тому же, сам вон пишет, что у него кризис жанра, а потому получи третье место и месячную стипендию во Вроцлаве. Бахарэвіч тоже довольно состоялся, и стипендия, вроде, не нужна, и так почти на стипендии, но Вроцлав тоже пускай будет, но ещё и очень полезно ему будет перевести какую-нибудь книжку на польский, вот

и получите. Ну а Касцюкевічу перевод книги пока ни к чему, он ещё такой книги не написал, которую стоило бы перевести, но вот чтоб такая книга появилась, нужно дать ему первую премию — там достаточно денег, плюс опять-таки писательская резиденция на Готланде. При таком раскладе, я считаю, что всё — лучше не придумаешь. Но как быть со справедливостью? Все будут говорить, что лучшая книжка у Касцюкевіча, а правда ли она лучшая?»

Такой уж я падкий до справедливости. Сам-то давал Касцюкевічу третье место, а первое Федарэнке. Марыйка после отвечала кому-то в фб, что я это всё написал из зависти, потому что сам мог претендовать на премию, если бы русскоязычных допускали. Но меня интересовала справедливость. Хоть, конечно, не справедливость, а «справедливость» — когда сначала объявляются правила, а потом по ним идёт игра. А то не очень понятно, что делают среди членов жюри поляки, которые вряд ли осилят 12 белорусских книг — директор института да посол.

Глава 2. Вручение 2013

Марыйка в Гурмане: предлагает мне стать организатором премии – Проблема Кісліцыной – Пани Эльжбета – Кто источник власти в премии – Нутрия Бухалик и её роль в создании сайта премии – Как номинируют книги: попытка осознания – Проблема Някляева – Что делать с авторами, написавшими больше одной книги – Ещё одна проблема: рецензии – Минская книжная выставка (Замза, Хадановіч, Някляеў, Федарэнка) – Шорт-лист и как его сливали – Щепаньской не нравятся бланки приглашений – Нутрия Бухалик критикует премию Г. в нашейниве – Как победил Някляеў – Церемония в Краун-плаза – Королевские креветки: ужин у посла

Марыйка не справляется с чашкой и чай выплёскивается на столик. Я подвигаю ей оранжевые салфетки, она вытирает. Всё уже сухо, но она время от времени трёт салфетку о стол. Мы сидим в «Гурмане» на Маркса, тут продают чай, которые можно сразу попробовать. Я только что записал Марыйку для литрадио, а теперь она предлагает мне стать секретарём премии Гедройца. Я согласен, и Марыйка долго посвящает меня в детали.

Я листаю документы, смотрю, кто за кого голосовал. Интересно, правда ли Костюкевич получил первое место? – Правда. По документам всё сходится. Однако, здесь голоса только белорусского жюри – ни одного польского голоса. Ни тебе Шарэпки, ни директора института польского, даже Поморского нет, хоть на вручении зачитывали его письмо, кому бы он вручил премию. То есть, как я и говорил: объявлено, что жюри белорусско-польское, а оно нифига и не польское.

В тот год белорусская литература отжалела мне должность – я стал записывать писателей для litradio.by. Не знаю, был ли это случай – то, что я записывал Марыйку, когда нужно было начинать второй сезон Гедройца, а она искала человека, который бы мог этим заняться? Кажется, это именно он и был. Марыйка вспомнила мой постпремиальный пост в ЖЖ, и моя кандидатура не замедлила появиться. Я деликатно спросил, предусматривает ли эта должность оплату, и узнал, что совсем небольшую. Но было так интересно, что я согласился на 400 евро.

Правда, Марыйка видела проблему в том, что среди жюри была Кісліцына, с которой я накануне разругался в ЖЖ по поводу её поста про книжку Насти Манцевич.

Кісліцына писала, что ждала от Настиной книжки чего-то тонкого, глубокого и, уж по крайней мере, более сексуального. А вышло, что тексты Розанова для Кісліцыной более сексуальны, чем тексты Насти. Мне глубоко насрать на то, что кажется Кісліцыной более сексуальным, но пост я прочитал так, что мол, говно, Настя, твоя книжка, не понравилась она мне, поучись-ка лучше у Розанова. Мне было бы так же глубоко насрать, если б такой пост написал «простой читатель», но его написала чувиха, которая считает себя критиком, и я захотел прояснить её позицию как критика, а не как читателя. Мало ли кому Розанов нравится?

Вообще история моих, скажем так, отношений с Кісліцыной знает взлёты и падения. На одном из пэновских конкурсов она была в жюри, вела мастер-классы и отметила мои ранние рассказы. На мастер-классе я был единственным человеком, в чьих текстах она не нашла недостатков. Всё так хорошо, говорит, написано, будто уже где-то читала, даже замечаний никаких нет. Но я пришёл туда за критикой, поэтому усомнился в компетентности. Или меня просто пожалели, такие уж некудышные рассказы. На конкурсе я вёл себя замкнуто, как обычно, а она подходила с расспросами и рассказами. Один я запомнил, про то, как Кісліцына и Хадановіч написали все стихи за Вальжыну Морт. То есть Морт талантливая, говорила Кісліцына, но языка совсем не знает, потому считай мы с Хадановічем всё за неё и написали.

Потом я написал рассказ, где менялись первые буквы имени Люси Луцик: Дуся Дущик, Щуся Щуцик – было смешно, что можно менять буквы и получались имена с другим смыслом. Этот нехитрый рассказ очень понравился Кісліцыной, она попросила Марыйку его перевести и

писала, что ходит по редакциям, но его не берут, мол, не понимают юмора. Не знаю, зачем это ей было нужно, вполне возможно, что если б меня этот рассказ прославил, то она бы говорила про меня как про Морт, что приложила руку к проекту Павел Антипов. Но я оказался никому-дышным писателем, писал мало, не прославился и Кісліцына занялась другими проектами.

Когда же начался этот конфликт? Наверно, с моего поста про Гедройца, где я назвал рецензии ерундой, которую неинтересно читать. Тогда-то отношение Кісліцыной поменяло свой знак. Такой кучи говна до неё на меня ещё не выливали. Она написала, что я не различаю жанров критики, что я защищаю подругу, а не книжку. Я ответил текстом, мол, мы были молоды, вы нас за ручку привели в литературу, мерси, но мы вас переросли – пока! Срались мы воодушевлённо. К беседе присоединился Андрэй Адамовіч, мы выводили у Кісліцыной инструменты критика, которыми она пользуется, методы оценки и прочее. Она отвечала, что мы идиоты, а это показывало, что методов и инструментов у неё нет – так мы и думали. Последний аргумент Адамовічу у неё звучал так «Ідзі на хуй!». После чего мы созвонились, решили, что, наверное, зря вывели её из себя, и написали в личку извинительные письма. Я в своём извинялся только за то, что позволил себе не заметить, как беседа её травмирует. Своего мнения, конечно, не переменял. Но, на всякий случай, удалил пламенный пост про «переросли».

Так как Хадановіч был не против того, чтоб я занимался премией, Марыйка повела меня к пани Эльжбете Щепаньско-Домбровской, советнику, рани S-D, Шчэпке, Эльжбете I, её так много, а меня так мало. В здании института польского, недалеко от Красного костёла, в обстановке жуткой секретности был распечатан бюджет с итоговой цифрой 5700. В примечании было сказано, что ещё на одну тысячу работы проведёт ПЭН, то есть работы проведу я и ПЭН мне будто бы заплатит, а на самом деле, я сделаю всё бесплатно, только ради того, чтоб в графе «участие пэна» стояла цифра 14,7%. В 5700 не вошли также 200 евро на дизайнера, потому что Марыйка при суммировании пропустила эту строчку. Я почему так подробно привожу эти цифры. Для того, чтоб вы вдумались: 5700 – организация, 10000 – премия, на всю про всю премию самого Гедройца выделено всего-то 15 700 евро. Столько стоит какая-нибудь не самая дорогая машина. Какой-нибудь идиот-предприниматель, скопивший за год на новую тачку, может вдруг передумать и решить учредить суперпремию по белорусской литературе и это будет стоить ему всего лишь новой машины, даже не квартиры! Если, конечно, найдёт такого идиота, как я, который согласится за копейки приобрести неоценимый опыт. Да-да-да, мы готовы, говорит пани Эльжбета, это для нас очень важный проект, конечно, мы готовы поддерживать, и снова договоримся с банком, идите работайте. Я утверждён.

О, эти премии, – думал я, – если из-за неправильного языка я не могу их получать, я буду их вручать! Хотя выбор победителя от меня мало зависел, да и как только я занялся организацией, мне сразу стало всё равно, кому вручать. По большому счёту, всё говно, что-то лучше, что-то хуже, но на десять тысяч никто не наработал.

Итак, я главный организатор. Но как мне работать? Документа, который бы описывал мои функции – нет, Марыйка вроде говорит, что делать, но это не всегда совпадает, с тем, что говорит Хадановіч. Кто главнее? Кто источник власти, кто мне указ? Поляки дают деньги, но до поры до времени им плевать, как всё организовано. Меня позвала Марыйка, но сама-то она из должности ушла. Хадановіч – источник власти? Но почему мне этого открыто не говорят? Я должен догадаться сам, сделать вид, что понял? Ну, допустим, понял. Хотя вот Хадановіч говорит, кого хотел бы видеть в жюри, и себя бы он тоже хотел видеть в жюри. Какая-то это не очень чистая игра, ну или игра без чётких правил. Но раз я не вижу поблизости никого главнее Хадановіча, то, думаю, буду воплощать его идеи, а там разберусь. Но с его идеями у меня сразу возникают проблемы. Он говорит, Акудовіча в этот раз брать не будем, он книжку написал, которая вполне может претендовать на первое место. Окей, не будем так не будем. Но когда я говорю об этом Акудовічу, он расстраивается, говорит, что лучше бы в жюри, но раз уж так решили. Кто решил, думаю я. Решил какой-то орган, комиссия, комитет? Но это решил

Хадановіч! Я иду к Хадановічу, так мол и так, Акудовіч хочет в жюри. Ах, он по-видимому думает, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, типа, за жюри заплатят точно, а премию ещё неизвестно дадут ли – излагает Хадановіч мысли Акудовіча. В итоге, Акудовіч остаётся в жюри. Но меня такая система назначения жюри очень настораживает. Ещё есть польская часть жюри – это посол и директор института польского, это Адам Поморский, и ещё Хадановіч с Марыйкой говорят, чтоб я позвал Малгожату Бухалик. Я спрашиваю, как поляки читают? И не получаю внятного ответа, мол, они читают лонг. Или нет, они читают шорт. Голосуют ли посол с директором? Нет, говорят. Так нахера они в жюри? Ну, типа, чтоб им приятно было. А Поморский голосовал? Да, но опоздал с голосом, поздно прислал. То есть, я должен выслать книги Поморскому и Бухалик, но непонятно, шорт или лонг. Короче, полная хуета и неразбериха, и всем похеру, потому что действовать надо мне.

Пока я пишу Бухалик. Называй её Нутрия, говорит Марыйка, она любит, когда её зовут Нутрия. Я не решаюсь на такое панибратство и именую её пани Малгожата, хотя пани она конечно себя не ощущает, но мне пофиг. И вот эта пани говорит, что да, она согласна, шлите мне все книжки. Я говорю, оукей, пришлю шорт. Она такая, а чего шорт? Я – ну, так в правилах. Окей, говорит, шлите правила. Я думаю, ага, хер там, какие правила, я сам их не знаю. Иду уточнить у Хадановіча, он лишь разводит руками. Я говорю, ладно, пани, пришлю вам лонг. Она – неа, я всё хочу читать. Окей, пришлю всё, говорю. И положение не забудь. Я говорю – нет положения, я вообще только начал этим заниматься, войдите в моё положение, разбираюсь по ходу, давайте вместе разбираться, сейчас пока без положения, потому что я не успею его сделать, а уже на следующей премии сделаем положение так положение, всем положениям положение. Она, ясно, ну ладно. Но вообще хуйня у вас, а не премия: перво наперво надо сделать сайт, заполнить его отрывками из книг, а также написать в википедию статью о премии. Ну и пани попалась. Я не тупой, я сам знаю, что нужен сайт, но на сайт нет денег и нет человека, который бы занялся его заполнением. Про деньги не волнуйся, я напишу в посольство. И, к моему ужасу, она выбивает деньги на сайт.

Из моих знакомых сайты умеет делать только Коля. Я некоторое время раздумываю, не будет ли это коррупцией, позвать своего брата сделать сайт? Но, думаю, ладно, не велика коррупция, всего-то 600 евро, и премия получает не только дизайнера и верстальщика, но и человека, который отвечает за весь фирменный стиль премии, в будущем ему придётся договариваться с типографиями и самой Щепаньской. Какая коррупция – практически благотворительность!

А Бухалик тем временем взялась за премию всерьёз. Она, похоже, чувствует, что неопытные белорусы без её экспертного мнения не смогут выбрать даже цвет сайта. Она требует, чтоб я показал ей макет. Говно, говорит она, а не макет! У нас в Варшаве в такой цвет лестничные клетки красят. И присылает пруф – фото лестничной клетки. Я её поздравляю и говорю, что в Минске красят в другой, пруф тоже прикрепляю. Если я ещё буду фоном сайта заниматься, то кто соберёт все книжки за последний год?

Если кто-то думает, что книги номинируют авторы или издатели, то это заблуждение, прошу больше так не думать. Своим ходом на премию добирается 5-7, в лучшем случае однажды было 11 книжек. Остальные должны номинироваться как? С этим интересным вопросом я столкнулся внезапно. Оказалось, что и тут никакого механизма нет. Я предполагаю, что в первую премию Марыйка просто обзванивала всех независимых издателей (база телефонов мне перешла в наследство), а какие-то книги ей подсказали члены жюри – вероятно, именно так в первую премию попали книги издательств зависимых. Но мне казалось, что список первой премии был не полным – 18-20 книг (на рукописных бюллетенях было сложно разобрать). В общем, после того, как я обзвонил всех независимых издателей, после того, как члены жюри мне ничего не посоветовали, я погрузился в изучение сайтов государственных издательств и нарыл более сорока книг! Точно не уверен, но мне показалось, что жюри не очень ожидало такого количества и начало задавать мне вопросы, а кто номинировал такую-то книгу? А сякая-

то книга это что – проза? Я рассказывал им очевидные вещи, которые почему-то не были им известны из первой премии, что книги никто не номинирует, это я узнал, что такие книги вышли, и если вы решаете, что они подходят на премию, то предлагаю вам их номинировать. Я не уверен, что жюри осознало, что произошло, но список был принят. А произошло на самом деле рождение механизма номинирования книг!

Теперь мне предстояло собрать по 6-7 экземпляров каждой книги. И это стало моей самой нелюбимой частью работы. Необходимо было звонить незнакомым людям и объяснять, что они должны дать мне бесплатно то, что они обычно продавали. Издательства сбивали количество, авторы предлагали приобрести книги в магазине – такая супер-пупер премия, поляки выделяют на неё немеренные деньги, а книги купить не можете, стыдно! И мне было немного стыдно, но я не мог сказать, что деньги очень даже меренные. Адам Глобус со скрипом выделил пару книг. Я пришёл за ними к нему в мастерскую, где он угостил меня кофе и рассказал, почему ему жалко отдавать книги. «Ведаеш, там всё куплено, всё равно мне ничего не дадут». Я говорил, что, возможно, и куплено, но от меня это тщательно скрывают, и я в свою очередь проконтролирую весь процесс, чтоб он был как можно менее купленным.

Я приносил книги в ПЭН-центр, изо всех щелей которого как чернослив торчала наша-нива. К моему приходу они обычно освобождали «конференц-зал», половину которого отяпали перегородкой, за ней сидел переводчик их сайта. Я садился за стол. На пол клал два черновика А4 и ставил на них свои ноги в старых ботинках с глубоким протектором. Снег из протектора таял и стекал на черновики. Я вбивал книги в компьютер, а в зал заходила секретарша нашейнивы, как я понял в последствии, подосланная Дыньком. Она улыбалась странной улыбкой и спрашивала, не хочу ли я гарбаты? Мне было неловко, я благодарил и говорил, что сделаю сам. Моя версия такова, что Дынько воспринимал меня как представителя ПЭНа, и хотел меня умаслить, умаслив в моём лице ПЭН, чтобы и дальше пользоваться выгодами и преференциями от помещения. Но, во-первых, я тогда ни на что не мог повлиять (да мне и в голову такое не приходило, мне б премию сделать), во-вторых, на меня такое жополивание обычно не действует, что, впоследствии, для него и выяснится.

Перед Новым годом мы с жюри утвердили полный список книг, которые допускались к премии. Книг набралось 43 штуки. Мне приятно было понимать, что их в два раза больше, чем в предыдущую премию. Щепаньской я говорил, что видите, мол, как круто повлияла всего лишь одна премия на писателей, сразу в два раза больше написали. Хотя понимал, что это не премия, а я повлиял, потому что излазил весь интернет в поисках новых книжек. Щепаньска, вроде, была рада, но что-то её беспокоило. Она спросила, помню ли я наш разговор о том, что эта премия вне политики? Да-да, я действительно припомнил, к концу года она как-то педалировала этот разговор. Ну вот, помните, а как объяснить, что в этом списке находится Някляеў? А книжка Някляева, надо сказать была подана одной из последних, чуть ли не 27 декабря. И Хадановіч сказал тогда, а успел-таки, ну и что-то в таком духе, посмотрим теперь, что делают поляки. И вот поляки в лице Щепаньской мне говорят о политике. Позвольте, говорю, да разве это политическая книжка? Он её, наверно, не как политик написал, а как писатель. В любом случае, жюри её приняло, или мне стоит сказать жюри, что именно эту книгу не надо принимать? Глаза у Щепаньской забежали: да нет, как так можно говорить, я ничего такого не говорила, мы (имеются в виду поляки из посольства) понимаем разницу между литературой и политикой, сами жили в сложные времена и проч., но вот в Беларуси есть люди, которые этого могут не понять. Так что мне сказать жюри? – спрашиваю. Ах, нет-нет, зачем же говорить. Я просто высказываю лично вам лично свои опасения. Да, говорю, ваши опасения вполне разделяю, но не знаю, как я могу помочь. Разве только передать ваши опасения жюри? Ах нет, конечно, не нужно. Тем более это ещё не финал. Да, успокаиваю её, обычно политики пишут плохие книги. И вдруг думаю, что политик из Някляева так себе.

Так как писанных правил не было, лонг-лист нам дался очень сложно.

Во-первых, решали, что делать с парными книгами. Три писателя издали по 2 книги за год. Так как в прошлом сезоне такого не было, стали думать. Рассматривать ли книги отдельно, или от одного автора взять только одну? Большинство жюри боялось, что если оставить по две книги, то голоса могут разделиться между ними и автор не попадёт в лонг-лист. Почему-то. Я даже сейчас логики искать в этом не буду. Но в общем решили, что только одна книга от одного автора. Стали решать какая. Если с Календой и Федарэнкой разобрались быстро, то Бахарэвіча обсуждали очень долго. Сейчас не могу вспомнить точно, чьё мнение, кому принадлежало, но победила такая точка зрения, что «Шабаны» роман неудачный и Бахарэвіч сам это знает и будто бы он сам даже кому-то говорил, что был бы рад получить премию именно за «Гамбургскі рахунак». Так и порешили. Вот к чему приводит отсутствие прописанной процедуры. Вдумайтесь, вдумайтесь в это! «Шабаны» не попали в лонг-лист только потому, что кто-то чётко не проработал условия премии. В следующем году я всё исправлю, только «Шабанам» уже не помочь.

Во-вторых, поступила странная реакция от Федарэнкі. Мол, он снимает свои книги с премии. Стали думать, может ли автор снимать свои книги? Да я за него и так бы не голосовал, сказал в сердцах кто-то. Решили, что автор от сейчас и впредь не будет иметь права снимать свою книгу с премии.

И да, Някляеў-таки к ужасу Щепаньской проходит в лонг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.